PDC

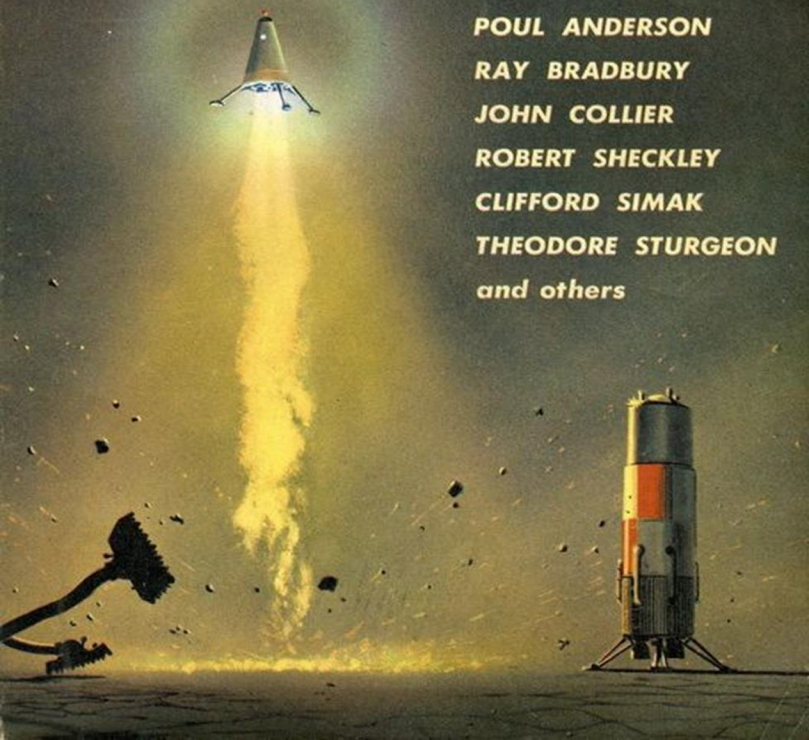
ALL STAR ISSUE

THE MAGAZINE OF

Fantasy AND Science Fiction

MARCH 40¢

POUL ANDERSON
RAY BRADBURY
JOHN COLLIER
ROBERT SHECKLEY
CLIFFORD SIMAK
THEODORE STURGEON
and others

Сострадающие
Пол Андерсон

Пол Андерсон. Сострадающие
The Martyr 1960

Пол Андерсон
Сострадающие

The Martyr 1960

— Очевидно, мы добились успеха, — произнёс Медина. — Люди захватили богов.

— Или бабуины захватили людей, — возразил Нарден.

Медина пожал плечами.

— Выберите свою собственную аналогию, майор. Просто не воспринимайте ее слишком серьезно. Цибарране существуют дольше нас; у них было время узнать больше, даже развить больший мозг… возможно. И что с того?

На его бесстрастном лице на миг появилось выражение, которое Нарден не смог бы истолковать. Он взмахнул сигарой над столом.

— Это не делает их сверхъестественными, — закончил он. — Я всегда подозревал, что интеллект — качество необходимое, но в некоторой степени переоценённое. Что подтверждает тот факт, что бабуины в прошлом убивали людей, а теперь люди взяли в плен полдюжины цибарран.

Нарден поёрзал в кресле. Кабинет окружал его сияющей пустотой — лишь официальный портрет Имперской Матери и карта Земли, находящаяся в X световых годах в направлении

Y, вносили едва уловимую ноту человеческой сентиментальности в жёсткий сплав личности генерал-полковника Ванга К”унга Медины.

— Бабуины вымерли, — заметил Нарден.

— Они так и не научились делать оружие, — резко бросил собеседник. — Без кардинального переустройства Цыбарры мы тоже вымрем за несколько поколений.

— Не могу в это поверить, сэр. Они никогда не угрожали нам или кому-либо еще. Всё, что мы о них знаем, — их деятельность дома, на других планетах, — всё было благожелательным, полезным. Они приходили как учителя и… — голос Нардена неуверенно оборвался.

— Да, — поддразнил Медина. — Духовное наставничество, личная дисциплина, своего рода супер-буддизм без кармы. Плюс кое-какие знания по астрономии, физике, общей биологии. Местами практическая помощь — например, благодаря им стала возможна плотина Та-Тао на Йосеве. Но хоть какое-то базовое обучение пси-способностям? Хоть какие-то намёки, как развить собственные скрытые способности, или хотя бы окончательное доказательство или опровержение того, что у нашей расы вообще есть такие способности? Если бы они действительно

переживали за нас, майор, они не могли бы спокойно смотреть, как мы ломаем голову над тем, о чём им всё известно. Но — ни слова. За пятьдесят лет контакта, пятьдесят лет, в течение которых мы наблюдали, как они делают всё — от лозоходства до телепатических групповых контактов и телепортации через световые годы… мы так и не получили ни одного прямого ответа на этот вопрос. Та же безмятежная улыбка и те же словесные увёртки. Или молчание — если начинаем настаивать. Господь Человеческий, как же они умеют молчать!

— Может быть, нам стоит разобраться во всем этом самим, — предположил Нарден. — Может быть, пси-способности работают по-разному у разных видов, или им просто не возможно обучить, или…

— Тогда почему они просто не скажут нам об этом?! — взорвался Медина. — Если проанализировать их поведение, всё, что они нам предлагают, — это отвлекающий манёвр. Двадцать лет назад, на Марьяне, Элберг изучал эффект Данна. Он получил весьма многообещающие результаты и показал их цибарранину, случайно оказавшемуся на той же планете. Тот что-то промямлил о резонансах, продемонстрировал

неизвестный ранее электронный феномен… ну, остальное вы знаете. Элберг провел остаток своей жизни, работая над электронно-волновым резонансом. Он добился поразительных результатов — но исключительно в области физики. А его первоначальные данные по псионике с тех пор покрываются пылью. Я мог бы привести вам сотню похожих случаев. Я собирал их годами. Получается абсолютно логичная схема. И всё складывается в совершенно однозначную картину: цибарране не раскрывают никаких сведений о псионике; а большая часть их «интеллектуальной помощи» на деле оказывается ложным следом, ведущим в сторону от настоящего направления. — Он ударил кулаком по столу. — Наши собственные исследования дали нам ровно столько знаний о псионике, чтобы понять, мы не можем даже вообразить её потенциал. И всё же цыбарране стараются держать это от нас в тайне. Разве это похоже на дружелюбие?

Нарден облизнул губы.

— Возможно, нам нельзя доверять, сэр. Наше поведение в данном случае говорит именно об этом.

Медина выпятил челюсть.

— Вы сами вызвались, майор. Теперь уже позд-

но распускать сопли.

Нарден почувствовал, что краснеет. Он был молодым человеком, крепкого сложения, светловолосым, как многие уроженцы Тау Кита II, и говорил на Лингва Терра с их русским акцентом. Чёрно-серебряная форма Научного Корпуса Имперской Астрофлотской Службы сидела на нём безукоризненно; но под внешним лоском чувствовалась неуклюжесть провинциала.

— Я вызвался добровольцем на, возможно, опасную, но важную миссию, сэр. Это всё, что мне было известно.

Медина ухмыльнулся.

— Ну и что?

Помолчав, генерал добавил:

— Это может стоить нам жизни, рассудка — даже чести. Если мы провалимся и дело станет достоянием гласности, Империум будет вынужден от нас отречься. Так что поймите, майор: пристрелить человека, который тянет время и не выполняет приказ, меня ничуть не смутит.

Голос его стал жёстче:

— Если мы добьемся успеха, мы получим миллион лет прогресса, и это произойдёт за одну ночь. Люди шли на больший риск ради меньшего. Мы узнаем всё от этих пленников. Желательно

— мягко, но если понадобится, мы разберём их на молекулы. А теперь идите, поговорите с ними и начинайте свою работу!

Барис Нарден отдал честь и вышел из кабинета.

Коридор казался ещё более стерильным — белый туннель, где глухо отдавался стук его каблуков и из-за закрытых дверей доносилось мерное гудение. Время от времени он проходил мимо людей, но они не хранили молчание. Тишины было слишком много. «*Световые годы тишины,* — подумал Нарден, — *За этими пещерами — скалы и железные равнины блуждающей планеты, ледники и снежные поляиз замёрзшей атмосферы, под пронзительным сиянием миллиона звёзд*». Едва ли с десяток человек из сотни, обслуживающих эту базу, знали её местоположение и путь по бессолнечной орбите. Это было всё равно что быть мёртвым. Он вспомнил холмы Новой Мечты, дом своего отца под шумящими деревьями и задумался, что же заставило его покинуть тот край. Амбиции, устало подумал он; Империум и его очарование; но больше всего — жажда познания. И вот теперь у него есть учёная степень, есть скромные победы в трудном деле психонических исследований, и совсем недавно

он стал соучастником похищения, которое, быть может, закончится пытками и убийством… О, да, карьера.

Охранники на входе в исследовательский сектор пропустили его без лишних вопросов. Медину не интересовали пропуски, пароли и прочие формальности. Далее располагался комплекс лабораторий и кабинетов. Одна из дверей была приоткрыта — в комнате за ней, среди нагромождения аппаратуры трудился Мохаммед Керинтджи. Перед ним мерцали приборы, а воздух наполнял прерывистый гул, действующий на нервы.

Невысокий смуглый мужчина, казалось, не обращал на всё это внимания. Он поднял взгляд, когда Нарден проходил мимо, и кивнул:

— А, вот и вы, майор.

— Все спокойно, капитан? — машинально спросил Нарден.

— Более чем, — глаза Керинтджи блеснули. — Я не только держу наших «тигров» на коротком поводке, но и узнаю кое-что новое.

— Вот как? — Нарден шагнул в комнату.

— Да. Прежде всего, конечно, основная идея генерала Медины блестяще подтвердилась. Слабые, хаотично пульсирующие токи, которые я

индуцирую в их нервных системах с помощью подаваемых энергий, действительно подавляют их психонические способности. Они не телепортировались отсюда, не вышвырнули меня силой мысли наружу — вообще ничего не предприняли. — Керинтджи усмехнулся. — Что, впрочем, очевидно: иначе нас бы здесь не было. А может, и всей этой планеты. Однако факты не подтверждают гипотезу генерала о том, что пси-энергии рождаются в мозге по аналогии с обычными энцефалографическими волнами.

— Почему же? — Нарден невольно почувствовал прилив интереса.

Всё это согласовалось с его прежними лабораторными результатами.

— Посмотрите на эти приборы. Они подключены по лозоходческой схеме. Для того чтобы сдвинуть стрелки против натяжения пружин, требуется энергия. И стрелки движутся — причём их колебания коррелируют с нервными токами рандомизатора. Более того: работа, затрачиваемая на преодоление сопротивления пружин, превышает те энергетические возможности, которыми может располагать любая живая нервная система. Нейроны просто выгорели бы. Следовательно, рандомизатор, удерживающий

цыбарран в беспомощном состоянии, не подавляет их психическую активность как таковую. Он только лишает их возможности контролировать её. И отсюда второй вывод: энергия исходит не из нервной системы — та, по всей вероятности, выполняет лишь функцию модулятора.

Нарден кивнул.

— Мои данные навели меня на мысль, что генератором может выступать организм в целом, — сказал он. — Хотя мне так и не удалось получить достаточно стабильных показаний, чтобы утверждать это наверняка.

— Теперь у нас получится! — воодушевлённо воскликнул Керинтджи. — Мы можем применить калориметрию: измерить каждый эрг, проходящий через организм цибарранина. Если выходная энергия — включая совершаемую психическую работу — превысит входную, мы поймём, что психоника задействует некую внешнюю, вероятно космическую силу.

— Это крайне тонкие измерения, — предупредил Нарден. — Я убедился, насколько они тонкие, в своей собственной лаборатории.

— Вы работали с людьми и должны были проявлять осторожность. К тому же человеческая пси-активность до смешного слаба и нестабиль-

на. А теперь взгляните! — Керинтджи повернул ручку регулятора. Стрелка одного из приборов бешено метнулась по шкале. — Я только что увеличил энергию рандомизатора в четыре раза — а пси-выход возрос в пятьдесят раз! Как если воткнуть в человека булавку и наблюдать, как он подпрыгнет. Мы можем этим управлять!

Нарден вышел, чувствуя лёгкую тошноту.

Перед тюремным блоком стояла очередная пара охранников. Дверь была сконструирована по принципу шлюза космического корабля: внешняя створка должна была быть наглухо задраена, прежде чем можно было открыть внутреннюю. Нарден задался вопросом, защищала ли эта мера от чего-то, кроме человеческих страхов. Помещения за ним были большими и удобными. И утешало ли это кого-нибудь, кроме человеческой совести?

На диване расположились двое цибарран. Они не поднялись — их цивилизация обладала богатыми ритуалами, но почти исключительно в ментальной сфере. Огромные янтарные глаза и пучки нежных усиков над ними повернулись к Нардену. Он вновь, с прежней остротой, ощутил, как они прекрасны. Двуногие млекопитающие: длинные ноги обеспечивали им почти

двухметровый рост; трёхпалые стопы; тонкие, похожие на человеческие руки; широкая грудь и плечи; крупные овальные головы с изысканно вылепленными лицами, короткий серый мех, покрываюий всё тело, тонкий переливающийся килт и мантия… Слова бессильны передать ту кошачью грацию, что предстала перед ним.

Один из них заговорил спокойным, бархатистым голосом на Лингва Терра:

— В данный момент я ношу имя Аланай. Мой спутник — Элт.

— Барис Нарден.

Мужчина беспокойно переминался с ноги на ногу. Уголки губ Аланая тронула легчайшая улыбка.

— Пожалуйста, присаживайтесь, — предложил Элт. — Не хотите ли чего-нибудь перекусить? Мне сказали, что мы можем позвонить и заказать еду, когда понадобится.

Нарден нашел стул и присел на его краешек.

— Нет, спасибо. Я не могу разделить с вами трапезу. — И поспешно добавил: — Вы в порядке?

— Насколько это возможно в данных обстоятельствах.

Гримаса Аланая была подлинный произведением искусства. Нарден вспомнил теорию

некоторых ксенологов: якобы «телепатия» цибарран отчасти основана на жестах и мимике. Это было правдоподобно для расы, где каждый индивид создавал собственный язык, чтобы выражать уникальные оттенки своего «я», и изучал языки всех своих друзей. Но это никак не объясняло подтверждённый факт: цибарране без каких-либо устройств могли перемещаться и общаться на расстоянии в световые годы.

— Надеюсь… — Нарден с трудом выдавил слова, — надеюсь, условия не слишком тягостны.

— Блокировка нервной энергии? И да, и нет, — ответил Элт. — Мы можем блокировать физическую боль и предотвращать повреждения. Но депривация — представьте, что вы оглохли и ослепли.

Его тон оставался мягким.

— Боюсь, это необходимо, — пробормотал Нарден.

— Чтобы мы не могли сбежать, или позвать на помощь, или как-то иначе помешать вашим планам? Согласен.

Аланай протянул руку к столику с хрустальной столешницей, на котором стояла шахматная доска, и начал играть сам с собой. Это была быстрая и равная партия. С мозгопутом или нет, цибарране

сохраняли такое владение собственным разумом и телом, о каком люди едва ли могли мечтать.

— Мне любопытно, как вы организовали похищение, — не без ехидства сказал Элт. — Я перебрал множество возможностей.

— Ну… — Нарден заколебался. К черту Мединy. — Мы знали, что ваша планета отправляет миссию на Новый Марс. Я имею в виду мир, который мы называем Новый Марс. Одно из туземных племён попросило вашей помощи через межзвёздных торговцев, по обычному сарафанному радио, чтобы рационализировать и облагородить их собственную культуру. Мы видели множество планет, где вы проделывали подобную работу, и не сомневались, что вы не устоите перед такой просьбой, даже если это будет далеко за пределами ваших обычных территорий. Наши психотехники работали годами, внушая вождям этого племени нужные идеи.

Элт рассмеялся — по-настоящему.

Нарден зачастил, словно за ним гнались.

— То немногое, что нам удалось узнать о псионике, указывало на определённые ограничения, которыми можно воспользоваться. Вы, вероятно, можете общаться через всю Вселенную…

— В других галактиках тоже есть древние ра-

сы, — согласился Аланай.

В дверях появился третий цибарранин.

— Существует целая разумная галактика, — сказал он очень тихо. — Мы как дети у ее ног.

— Разве вы не думаете, что мы тоже могли бы захотеть… — Нарден осекся. — Да, телепатия работает на любом расстоянии. Но если вокруг слишком много мыслящих существ, их «шум» забивает сигнал — приходится его отсеивать. Если вы не настроены напрямую на кого-то, находящегося за парсеки, вы услышите лишь гомон миллиардов и триллионов живых разумов с планет всего космоса. Так что мы ожидали, что вы не прознаете о наших замыслах. В конце концов, Новый Марс находится в этом рукаве галактики, а Цибарра — на двадцать тысяч световых лет ближе к центру.

— Когда ваша делегация прибыла, её пригласили к имперскому поверенному в делах. Он ничего не знал, это была обычная вежливость. В его доме, без его ведома, ждали похитители. Они были новобранцами с колониальных планет, где языки и культура сильно отличаются от земных. Наши исследования показали, что вы не сможете с легкостью читать мысли человека, чье социально-лингвистическое происхождение вам

незнакомо. Его концептуальная вселенная будет слишком иной. Вам, по меньшей мере, нужно было бы некоторое время изучать его, классифицировать его образ мышления, прежде чем войти с ним в резонанс. Так что… эти люди оглушили вас шоковыми лучами, быстро доставили на корабль и держали без сознания всё время пути до этой базы.

Элт снова рассмеялся.

— Умно!

— Хвалить нужно не меня, — поспешно сказал Нарден. — Я не имею к этому никакого отношения.

— Но вы говорили так, словно были причастны, — заметил Аланай.

— Разве? — Нарден в смятении порылся в памяти. — Да. Да, я действительно сказал «мы», не так ли? Должно быть, думал… коллективными категориями. Меня привлекли лишь в последний момент — уже после захвата. Поверьте, это было сделано не из корыстных побуждений.

— Тогда почему? — спросил Аланай, но тихо, как будто уже знал ответ. И другие цибарране замерли так же, как он.

— Не ради выкупа, как вы, возможно, подумали, или чего-то еще, а ради нужд нашего народа, —

пробормотал Нарден. — Прошло уже пятьдесят лет… с тех пор, как корабли Империума, исследуя направление к центру Галактики… встретили вашу расу на некоторых планетах. С тех пор у нас бывали случайные контакты, время от времени. Как раз достаточные, чтобы прояснить ситуацию. Ваш родной мир намного старше нашего…

— Был, — уточнил Аланай. — Потерянная вращалась вокруг звезды второго поколения — потому и была бедна металлами. Мы тысячелетиями оставались на уровне неолита — возможно, это способствовало развитию наших необычных ментальных способностей. Физическая наука занималась керамикой, пластиками, проводниками, наполненными кислотой, исключительно в качестве фундаментальных исследований. Усиление активности нашего солнца вынудило нас покинуть дом. Это случилось тысячи лет назад; и всё же мы тоже, в своём роде, знали Потерянную — и скорбели о ней вместе с отцами…

Элт предостерегающе положил руку ему на запястье. Аланай, словно очнулся от сна.

— *Оа, Анна,* — тихо произнёс он.

— Да, — сказал Нарден. — Всё это мне известно. И то, как вам случалось встречаться с нами, я тоже знаю. Но всё это были лишь самые поверх-

ностные контакты.

— Вы не смогли бы усваивать физические знания с большей скоростью, чем вы их уже получаете, — произнёс один из цибарран.

Четвертый из них теперь стоял в дверях. Нарден расправил плечи и ответил:

— Возможно. Мы не держим на вас зла за это. Мы вполне способны освоить всё, что пожелаем, в области физики. И нет оснований считать, что вы сильно опередили нас в какой-либо из её отраслей. Напротив, вы, вероятно, отстаёте в тех областях, которые вашей цивилизации просто не были интересны — например, в робототехнике. В конечной Вселенной и физика имеет пределы. Нас огорчает то, что вы утаиваете следующий этап базовых знаний — и время от времени активно препятствуете нашим собственным поискам.

Голос Элта стал чуть жёстче:

— Вы захватили нас в надежде заставить научить вас аспекту реальности, именуемому вами психоникой. Или, если мы откажемся — а мы отказываемся — намерены добывать данные, изучая нас.

Нарден сглотнул.

— Да.

Аланай произнёс без высокомерия (и не слеза

ли затуманила его глаза?):

— Цибарранские философы исследовали эти концепции ещё до того, как Земля сконденсировалась из космической пыли. Вы правда считаете, что мы скрываем знания из эгоизма?

— Нет, — твёрдо ответил Нарден. — Но мой народ… мы не из тех, кто смиренно принимает: «отец знает лучше». Мы всегда шли своим путём. Против зверей и ледников, против самих себя и против физической Вселенной. Теперь — если придётся — и против богов.

Элт медленно, с сожалением покачал головой.

— Я так же ограничен, как и вы, — сказал он. — В некоторых отношениях даже больше. Не думаю, что смог бы найти в себе мужество жить, если бы я был… — Он оборвал фразу, внезапно занервничав.

— Мы вынуждены это сделать, — сказал Нарден и поднялся. — Простите нас.

— Прощать нечего, — ответил Аланай. — Вы не можете иначе. Вы молоды, необузданны и жаждете жизни. О, — прошептал он, — как вы жаждете жизни!

— И всё же вы оставляете нас прозябать, на уровне полу-животных, когда и мы могли бы посылать свой разум через пространство? — Нарден

вглядывался в серьёзные, чуждые лица. Сжав кулаки, он произнёс: — Ради вас же самих, помогите мне. Я не хочу вырывать из вас то, что вы знаете!

— Ради вас же самих, — ответил Аланай, — мы будем сопротивляться. На каждом шагу.

Через некоторое время Нарден вспомнил эти слова и вздохнул.

— Всё это было одной долгой битвой.

Медина поудобнее устроился в кресле.

— Они ведь не оказывали физического сопротивления, — заявил он.

— Это не физическая проблема, — напомнил ему Керинтджи.

Медина был достаточно практичным, чтобы не мешать своим учёным, но в конце концов потребовал неофициального отчёта — чего Нарден не мог не признать разумным. Где-то в искусственных пещерах инженеры обслуживали машины, поддерживающие жизнь людей; солдаты тренировались, бездельничали и мечтали оказаться дома; техники размышляли над интерпретацией измерений и статистическими сводками. Здесь, в центральном офисе, Нарден ощущал себя бесконечно далёким от всего этого — и каким-то образом ближе к пленникам.

Разве не так со всеми нами? сказал он себе.

Разве не молчание цибарран держит всю нашу расу запертой в собственных черепах? Но он устало сознавал, что его негодование — лишь слова. Один из лозунгов, что люди придумывают, чтобы оправдать свою очередную жестокость и свежеизобретённое безумие.

Если бы мы могли видеть всю вселенную и заглядывать в самое сердце, как это делают на Цибарре, нам бы не нужны были лозунги, подумал Нарден. Эта мысль заставила его выпрямиться. Он посмотрел через широкий стол и сказал:

— Поскольку они не пошли на сотрудничество, мы до сих пор использовали их как простые генераторы психонических сил. Мы застряли на несколько дней, когда они разработали метод подавления собственного излучения. Думаю, теперь у нас есть догадка, как им это удалось — феномен интерференции внутри самой нервной системы. Вероятно, адски болезненный. Но тогда нас это здорово выбило из колеи.

— Как вы решили эту проблему? — поинтересовался Медина.

— Ввели одного из них в состояние наркоза, — сказал Керинтджи. — Мы снова получили реакцию на нервные раздражители. Более того, отклик стал более организованным, поскольку

сознание, способное генерировать случайные выбросы энергии с целью запутать наши замеры, было отключено. Так что мы продержали его под наркозом неделю. После этого остальные прекратили подавление.

Нарден вспомнил, как Аланай лежал, униженно опутанный внутривенными трубками, и как машинные нервные импульсы сотрясали его тело судорогами, так что пришлось привязать его ремнями. Он вспомнил, как исхудал цибарранин к тому времени, когда его вывели из наркоза и вернули в тюремный блок. И всё же тот смотрел на них без горечи. Нардену теперь казалось, что в жёлтых глазах читалась жалость.

— Не вдавайтесь в подробности, — сказал Медина. — Вы пришли к каким-нибудь выводам?

— За четыре недели? — усмехнулся Керинтджи.

— Да, да, я понимаю, что на создание последовательной теории пси-явлений уйдут десятилетия. Но хоть какие-то рабочие гипотезы у вас должны быть.

— И несколько чётких выводов, — быстро проговорил Нарден, стараясь изгнать из своего разума образ Аланая.

— Ну?

Толстые пальцы забарабанили по столешнице.

— В первую очередь, мы установили кое-что о природе энергии, задействованной в этих процессах. По механическим меркам она никогда не бывает очень велика. Но при пиковой стимуляции она значительно превышает суммарную возможную выходную мощность физического организма. Это доказывает, что она должна поступать откуда-то еще. Псионный адепт — если воспользоваться общепринятым термином — вкладывает в процесс лишь небольшое количество собственной энергии. Фактически он постоянно излучает в псионическом спектре на определённом минимальном уровне. Но когда речь идёт о работе с материальными объектами — телепортации, телекинезе — и, предположительно, во всех прочих случаях, он скорее подобен электронной лампе, чем генератору. Он заимствует и модулирует уже существующую псионическую энергию.

— Что вы имеете в виду под «псионическим спектром» и «псионической энергией»? — потребовал пояснения Медина.

Керинтджи пожал плечами.

— Удобные ярлыки для определённого класса явлений. Сама по себе она не является электро-

магнитной, тепловой или гравитационной; и все же может преобразовываться в эти физические формы. Например, несколько лет назад один земной исследователь доказал: полтергейсты работают, изменяя локальные гравитационные параметры.

— Значит, физическая энергия тоже должна преобразовываться в психическую, — заключил Медина.

Нарден кивнул, ещё больше проникшись уважением к уму генерала.

— Да, сэр. Механизм, осуществляющий это двустороннее преобразование — это, по-видимому, сам живой организм. Большинство видов, включая человека, — крайне слабые преобразователи, почти не контролирующие процесс. Цибарране — необычайно могущественные, чувствительные и сложные преобразователи. Они могут делать с пси-силами всё, что угодно, стабильно и многократно; тогда как даже величайшие человеческие адепты способны лишь на несколько простых действий, да и то спорадически.

— Я так понимаю, вы знали всё это ещё до прибытия сюда, — проворчал Медина. — Что же нового вы узнали в рамках этого проекта?

— А чего вы ожидали за четыре недели? —

раздражённо бросил Нарден, так же, как до него Керинтджи. — По-моему, мы продвинулись неплохо. Имея в распоряжении мощный, стабильный психонический источник, я смог подтвердить несколько предположений, сделанных ранее. Помимо того, что индивидуум не создаёт всю энергию сам, мне удалось показать, что её передача как минимум частично осуществляется волновым путём. Мне удалось создать интерференционные эффекты, регистрируемые детекторами, расставленными должным образом.

Медина поджал губы.

— Вы уверены в этом, майор? Я полагал, распространение пси-энергии происходит мгновенно.

— А волны подразумевают конечную скорость. Верно. Но я не имею представления, какова скорость психонической волны. Безусловно, она намного превышает скорость света. Возможно, чтобы обогнуть Вселенную, ей нужно всего несколько секунд. В конце концов, цибарране признают, что поддерживают связь с отдалёнными галактиками.

— Но закон обратных квадратов…

— Каким-то образом они его обходят. Возможно, пси-силы действуют непрерывно, без квантовых

скачков, и имеют чрезвычайно низкий уровень шума. Но даже в этом случае простая широковещательная передача на межзвёздные расстояния, очевидно, невозможна. Вы и сами, сэр, заметили, что цыбарране не могут «слушать» все умы в сфере радиусом в несколько световых лет; кроме того, ещё есть проблема затухания. Должен существовать некий эффект настройки или фокусировки. Как он работает, я не знаю.

Керинтджи оживился.

— Подождите, майор, — сказал он. — Ведь вы же недавно рассуждали об этом.

— Всего лишь предположения, — смущенно сказал Нарден.

— Всё равно расскажите, — заинтересовался Медина.

— Ну, если вы настаиваете. Если принять, что пространство конечно — как бы велико оно ни было — и что передача псионических сигналов осуществляется волнами, пусть и совсем не похожими на классические электромагнитные… тогда, теоретически, должно быть возможно создать, э-э, стоячую волну космического масштаба. По сути, огромное общее количество пси-энергии будет пронизывать всё пространство упорядоченной структурой. Её источником стало бы базовое

пси-излучение всей жизни во Вселенной. Адепт мог бы черпать из неё столько энергии, сколько ему нужно — и сколько он может усвоить — в любой момент, и использовать её. При этом живые организмы постоянно восполняли бы её — так что общий объём оставался бы почти неизменным. Более того, он увеличивался бы, поскольку излученная энергия не теряется со смертью излучателя, и постоянно рождается новая жизнь. Это добавляет довольно фантастическое уточнение ко второму закону термодинамики. Физическая энергия становится всё менее доступной по мере роста энтропии, а психическая — наоборот, всё более доступной. Почти как если бы Вселенная медленно эволюционировала от неодушевлённого, чисто физического состояния — к некоему высшему… ну… чисто духовному состоянию.

Медина фыркнул.

— Поверю в это, когда увижу!

— Я же сказал, это всего лишь предположения, — отозвался Нарден. — Я и сам не воспринимаю это всерьёз.

— Но это объяснило бы все факты! — нетерпеливо вмешался Керинтджи. — Сознание модулирует эту стоячую волну, понимаете? Бесконечно слабо, конечно, по сравнению с её собственной ампли-

тудой, но модуляция есть. Оно может скользить по стоячей волне с собственной фазовой скоростью, превышающей групповую скорость целого. Её можно фокусировать и настраивать.

— Есть еще более странные следствия, — чуть раздражённо добавил Нарден. — Например, это означало бы, что разум — не просто эпифеномен мозга. Модуляции космической волны могут быть столь же важны для существования разума, как физические изменения нейронов и синапсов. Но поймите, генерал, мы не можем пускаться в такие рассуждения. Нам нужно двигаться шаг за шагом, схватывать по одному факту за раз. Через пятьдесят лет, возможно, мы сможем осмысленно говорить о противостоянии разума и тела. Сейчас же это пустая трата человеко-часов, которые следовало бы потратить на измерение констант распространения.

— Или на то, чтобы заставить этих проклятых цибарран сотрудничать, — проворчал Керинтджи.

Медина кивнул.

— Да, понимаю. На самом деле, господа, я пригласил вас сюда, чтобы обсудить практические проблемы. Сначала мне просто нужно было получить необходимый контекст.

Он уставился на карту Земли. Затем резко, словно вонзая штык, произнёс:

— Я ожидал чего-то подобного. Был готов к этому. Но всегда оставалась надежда, что цибарране сдадутся — или что вы совершите прорыв. Полагаю, обе возможности ещё существуют. Но, согласитесь, с каждым днём они выглядят всё менее реальными. Значит, придётся идти трудным путём. Годы. Возможно, всю нашу жизнь. Боюсь, никаких отпусков домой, ни для кого из нас. Потому что другие цибарране задумаются, что случилось с их миссией, и начнут искать по всей галактике… телепатически…

Он достал сигару из коробки на своем столе, поднес ее ко рту и яростно затянулся, чтобы раскурить.

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы сделать условия более сносными. Мы расширим пещеры, построим парки и другие места для отдыха. Со временем, возможно, даже сможем привезти сюда потенциальных жён для нашего персонала. Но… — он криво усмехнулся, — боюсь, теперь мы тоже пленники.

Нарден вошёл в апартаменты и закрыл внутреннюю дверь шлюза. Все шестеро цибарран собрались в гостиной. Он с ужасом заметил, как

они исхудали, как потускнела их шерсть. Аланай почти превратился в скелет — лишь глаза оставались живыми. Нарден подумал: *это заключение, эти бесконечные опыты и наблюдения, этот хаос энергии в их нервных клетках, оглушающий и ослепляющий их внутренние чувства,* — *всё это их убивает. Они покончат с моим пленом, умерев сами.*

Нелепый проблеск надежды исчез. *Нет. У нас в штате есть биохимики, которые слишком хорошо изучили их метаболизм. Витамины, гормоны, ферменты, биоэлектричество закроют и этот путь.*

Элт тихо сказал:

— В вас живёт горе, Барис.

Нарден остановился. Когда он стоял, а они сидели на полу или лежали на кушетках, его голова возвышалась над ними.

— Я переговорил с генералом Мединой, — сказал он.

Один из цибарран — тот, кто порой называл себя Ионаром, порой Дванином, но чаще использовал вместо имени перелив мелодии, — шевельнулся.

— Ваша решимость вновь окрепла, — констатировал он.

Их понимание человеческого разума больше не удивляло Нардена. Он привык к тому факту, что они, опираясь лишь на логику, обычно заранее знали, что он предпримет дальше.

— Мы будем продолжать столько, сколько потребуется, — заявил он им. — Вы понимаете, что это значит?

— Пока мы все не умрём, — едва слышно произнёс Аланай.

— Или не будем спасены, — добавил Элт. — Даже без нашей телепатии наши друзья рано или поздно догадаются, что произошло.

— Эта галактика слишком велика, чтобы обыскать её всю, — сказал Нарден. — Все, кто хоть что-то знает о проекте, находятся здесь. Почему вы упорствуете? Вы думаете, мне нравится то, что с вами делают?

— Умоляю, — Аланай поднял ослабевшую руку. — Не терзайте себя так. Ваша собственная боль — самая тяжкая из тех, что нам приходится переносить.

— Вы можете положить конец этому и обрести свободу в любой момент, когда пожелаете, — ответил Нарден. — Мы не боимся возмездия со стороны вашей планеты; это не в вашем характере. Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы

загладить свою вину. Но если вы действительно заботитесь о нас… Разве вы не видите, что это уже начинает делать с моей расой? И будет делать всё сильнее с каждым годом… Эта жизнь в тени существ, подобных богам? Владеющих силами, рядом с которыми наши науки — словно детские игры в грязи? Если мы не сможем получить хотя бы малую долю в том, что по-настоящему важно — в знаниях и открытиях, — какой смысл в нашем существовании вообще?

Ионар громко простонал:

— Не надо, — сказал он. — Разве мы не видели, как это происходит снова и снова, на протяжении всей долгой истории нашего народа? Позвольте нам помочь вам единственным способом, каким мы можем: научить ваш народ принять свою природу — и быть довольными тем, что у них есть, и тем, что они есть.

Что-то шевельнулось в Нардене, подняло его опущенную голову и прорвало голос громом ярости.

— Приручить нас, вы это имеете в виду? Нет, клянусь Богом! Мы — люди, а не те жалкие «народы-дворняжки», найденные нами на множестве планет, где вы побывали!

Элт подался вперёд.

— Но послушайте, — возразил он, — откуда вы знаете, что психоника принесёт вам пользу? Вы ведь не завидуете осирианину из-за его способности дышать водородом или веганцу из-за его невосприимчивости к ультрафиолетовому излучению?

— Это не те недостатки, что мешают нам жить, — отрезал Нарден. — Мы можем отправить робота с дистанционным управлением куда угодно, куда способен добраться любой из тех народов. Но как мы вообще можем узнать, кто мы, пока…

У него мелькнула идея, самая безумная из всех, что он мог себе представить, но он поспешил продолжить, не смея остановиться:

— …пока наши разумы тоже не прокатятся на стоячей волне сквозь Вселенную?

В комнате воцарилась полная тишина. Такая глубокая, что на мгновение Нарден подумал: он оглох. Тогда он отчасти понял ужас, который испытывали цибарране из-за его рандомизаторов, и удивился духу, способному вынести это — и даже не нуждающемуся в отмщении. Но чувство тут же исчезло в стремительной вспышке пламени внутри.

Во имя Человека и его Бога— я попал в точку!

Они не смогли скрыть потрясения. Они верили, что смогут заставить меня топтаться на месте бесконечно, надеясь, что тем временем придёт спасение. Теперь… друзья мои, для вас уже слишком поздно!

Элт заговорил, и его губы были единственным, что двигалось во всей этой группе серых существ.

— Значит, вы выдвинули эту гипотезу? Я не думал, что у кого-либо из людей хватит интуиции.

— И я буду работать именно в этом направлении. — Нарден изо всех сил старался, чтобы его голос не дрожал. Пульс гремел у него в ушах. — Даже столь смутная и общая идея даёт мне фору лет в пятьдесят. Я теперь знаю, что искать, что проверять. Теоретики смогут разработать математическую модель. Биологи займутся точным механизмом генерации пси-энергии. В конце концов появится искусственный генератор, может быть, мутировавшее животное, — для контролируемых экспериментов. У Цибарры нет иного способа остановить нас, кроме войны! — Это прозвучало уже жалко, и он, смягчив голос, добавил: — Почему бы вам тогда не помочь нам, вместо того чтобы мешать?

Никто из них по-настоящему не слушал его.

Их взгляды встретились. Последовало несколько слов на незнакомом языке, произнесённых шёпотом. Аланай сделал жест. Элт подскочил к нему. Аланай медленно и мучительно поднялся, опираясь на товарища. Он вышел из комнаты. Остальные последовали за ним.

Это было похоже на процессию.

Нарден на мгновение замер, затем рванулся вперёд и схватил за руку Ионара, замыкавшего строй.

— Куда вы идёте?! — выкрикнул он. — Что всё это значит?!

Теперь янтарные глаза смотрели на него сверху вниз.

— Мы обсуждали такую возможность, — сказал цибарранин. — Мы медлили, потому что жизнь — сладка, и никто из нас ещё не познал её до конца. Но вы не оставили нам выбора.

С неожиданной силой он вырвался и выскользнул за дверь. Нарден остался стоять, глядя вслед. Он услышал тихий гул их голосов — возможно, они пели, он не мог разобрать.

Керинтджи закричал по внутренней связи:

— Беги туда, идиот! Останови их! Они убивают его!

Нарден с потрясением вспомнил: в каждой ком-

нате здесь есть шпионские линзы. Он преодолел паралич и побежал. Главный шлюз открылся за его спиной, и внутрь ворвались двое солдат.

Аланай был уже мертв. Элт и ещё один цибарранин сломали ему шею одним умелым движением. Они бережно уложили тело на пол и спокойно повернулись к направленному на них имперскому оружию.

— Не двигайтесь! — услышал Нарден собственный пронзительный крик, донёсшийся до него словно издалека.

— Разделить их! — трещал Керинтджи в интеркоме. — Заковать. Установить наблюдение, чтобы не покончили с собой…

— Как пожелаете, — сказал Элт. — Мы завершили начатое.

Он наклонился и медленным нежным жестом закрыл глаза Аланая. И всё же Нардену показалось, что в его тоне сквозит нетерпение, словно у ребёнка в утро своего дня рождения.

— Они сделали это не без причины. — Медина затянулся, и дым скрыл его лицо. — Они принесли в жертву самого ослабленного, кого было легче всего убить. Даже не попытались расправиться с остальными. Что послужило толчком к их действиям?

— Моё предположение о природе пси-передачи оказалось не так уж далеко от истины, — сказал Нарден. — Они не могли позволить мне продолжать работу.

— Но у нас осталось пятеро! И тело шестого. — Медина бросил взгляд на Керинтджи. — Реанимация не увенчалась успехом, не так ли?

— Нет, сэр, — маленький человек покачал головой. — Наши медики сразу применили экстренные методы: вскрыли череп и обеспечили прямое питание и стимуляцию мозга, помимо обычных процедур для внутренних органов. Ввели спинальный коннектор, обойдя повреждённый участок спинного мозга. К этому моменту любой человек уже пришёл бы в сознание. Можно было бы ожидать, по крайней мере, индивидуальной реакции органов. Но нет — цибарранин остался мёртв. В буквальном смысле мёртв. Просто кусок мяса. Мы исследовали микроскопические срезы тканей — даже наименее организованные клетки, например в печени, были инертны.

— Что ж, — сказал Медина, — полагаю, нам не стоит ожидать, что существа с другой планеты будут умирать по тем же законам, что и мы.

— Но они должны, сэр! — возразил Керинтджи. — Они дышат кислородом, усваивают

углеводы и аминокислоты — точно как мы. В их клетках есть ядра, гены, хромосомы. Конечно, есть особенности — например, очень тонкая сеть волокон в каждой клетке, назначение которой мы вообще не понимаем. Но они не должны настолько отличаться!

Медина раздавил сигару в пепельнице, уставился на неё и на ощупь принялся искать следующую.

— Мы это выясним, — сказал он. — Возможно. Раз уж вы у нас такой догадливый, майор Нарден, может, объясните, почему они это сделали?

— Я не знаю, — медленно произнес Нарден. — Кажется, я не в состоянии об этом думать.

— Ради Матери! Возьмите под контроль эту вашу проклятую совесть! Мы делаем это ради человечества, всей расы, всех наших потомков — отныне и до скончания веков.

Нарден вновь вспомнил Аланая — как будто через бездны времени. «*Вы не можете иначе. Вы молоды, необузданны и жаждете жизни. О, как же вы жаждете жизни*!» Но его мозг словно одеревенел и работал с трудом. Он сидел, не шевелясь.

Керинтджи, с побелевшими от напряжения губами, произнёс:

— Я могу предположить, генерал. И если я прав, нам лучше немедленно эвакуировать отсюда весь проект. В тот миг, когда он умер — когда ему уже больше не нужна была нервная система, — Аланай мог сжечь её, послав телепатический зов такой силы, что его услышали бы на Цибарре, сквозь помехи нашего ингибитора и весь обычный шум. Крик, чтобы призвать их сюда…

— Да.

Когда это слово было произнесено, Медина отложил сигару и осел, как мешок с мукой, с его внезапно пожелтевшего лица исчезла вся жизнь. Нарден и Керинтджи вынуждены были развернуться в креслах, чтобы увидеть… Рука Керинтджи метнулась к поясу — и пистолет рванулся вверх. Сила, содрав кожу с пальцев, вырвала у него оружие, с грохотом покатившееся по полу.

Где-то на задворках сознания Нардена мелькнула мысль, что он всегда ждал этого момента. Он поднял взгляд — выше, выше, к высокой серой фигуре, к янтарным глазам, в которых не нашлось места гневу. Голова была заключена в клетку из проводов, и воздух вокруг неё мерцал. Он смутно решил: это, должно быть, защита от рандомизирующей энергии. Несомненно, лишь

необходимость создать такие шлемы задержала спасение на эти несколько часов.

— Поздравляю вас с вашим выводом, — произнёс голос, звучавший как музыка даже на человеческом языке. — Вам не стоит опасаться за свою безопасность. Наши пострадавшие, конечно, уйдут сейчас, и мы примем меры против повторения подобных инцидентов, но это касается лишь нас самих. Не в наших обычаях вмешиваться в свободу других: это повредило бы нашему этическому кодексу. Однако мы публично обратимся к Империуму с призывом прекратить эти исследования как чрезмерно опасные; и, полагаю, со временем люди прислушаются.

Нарден поднялся. Он шагнул к цибарранину — и замер, наткнувшись на невидимую стену. Он воздел руки.

— Но это моя работа! — громко воскликнул он.

Бесстрастные глаза не могли проникнуть в его мозг, и всё же цибарранин мягко спросил:

— Разве не было дома в лесу, на планете под названием Новая Мечта?

В кабинет проникла еще одна фигура, Элт. Он был без шлема — рандомизатор, должно быть, уже отключили — и его усики трепетали от ра-

дости.

— Я пришел попрощаться, Барис.

Медина закрыл лицо руками.

— Будьте вы прокляты. Будьте вы прокляты.

— Мы кое-чему научились, — прорычал Керинтджи. — Некоторые из нас, несмотря на все, что вы можете сделать, будут продолжать учиться. Настанет день, когда вам будет недостаточно убить одного из своих, чтобы позвать на помощь. Помощи не будет.

Нарден снова погрузился в молчание. Он не знал, уловил ли это крошечный рудимент в нём — та молекула, что за миллион лет эволюции, возможно, станет настоящим пси-органом, — одну из великих мыслей, что сейчас вихрились и пели вокруг него. А может, это была работа подсознательной логики.

— Нет, — сказал он.

— Что? — Керинтджи моргнул.

И даже цибарране замерли.

— Ваша теория нейронного выжигания, — сказал Нарден. Его голос звучал словно чужой. — Они надеются, что мы решим, будто так Аланай передал им весть. Но это ещё один ложный след. Коммуникация осуществляется паттернами, а не хаотичными выбросами энергии. Как он мог

организовать свою нервную систему для этого, особенно умирая? Рандомизатор работал всё это время. Нет… вспомните, что я ещё предположил… что паттерн, каковым является разум, может быть наложен на космическую волну так же, как и на комплекс нейронов. Он умер, чтобы завершить передачу. Чтобы, так сказать, освободить свой разум от оков тела. Он не послал зов на Цибарру. Он отправился туда сам, как волновой паттерн.

Медина поднял глаза.

— Вы же не хотите сказать, что он все еще жив? — выдавил он.

— В некотором смысле, — слова Нардена понеслись, опережая друг друга. Он сам, его сознание, не знали, к чему он ведёт. — В самом реальном смысле — да. Но не тождественно той жизни, что была, пока тело функционировало. У него больше нет физических частей и органов чувств, понимаете? Но, конечно, он должен был обрести новые пси-способности, с лихвой компенсирующие это. Он может заговорить разумом с разумами живых цибарран, сообщить им всё… а затем, возможно, перейти к следующей фазе существования — как бабочка, покидающая кокон.

Он обернулся к наблюдавшим цибарранам и выкрикнул:

— Это то, что вы так упорно пытались скрыть от нас, — что смерть — это еще не конец! Но почему? Вы утверждаете, что заинтересованы в нашем счастье. Вы не могли бы сообщить нам ничего более прекрасного, чем то, что у нас есть бессмертные души!

Незнакомец исчез. Элт задержался на секунду дольше. Нарден осознал: это капитуляция. Ответ будет дан, потому что его всё равно бы обнаружили — если только эти люди не присоединятся к сокрытию факта. Когда Элт заговорил, в его голосе звучала хирургическая отстранённость, почти сострадание:

— У вас — нет, — сказал он.